
ИЗ ИСТОРИИ КИТАЯ

ДУАЛИЗМ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Я.В. Лексютина

Факультет международных отношений
Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье раскрывается неоднозначность современной внешней политики Китая в Юго-Восточной Азии, заключающаяся в совмещении двух противостоящих друг другу подходов к развитию отношений с соседними странами: вовлечение их в широкомасштабное экономическое и гуманитарное сотрудничество при одновременном усилении давления на них в территориальных спорах. Анализируются меры, предпринимаемые Пекином с начала XXI в. по настоящее время в целях расширения политического, торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии и улучшения имиджа Китая в регионе. Также прослеживается четко обозначившееся с 2007–2008 гг. ужесточение внешнеполитической линии Китая в территориальных спорах в Южно-Китайском море. В качестве главных причин изменения внешнеполитической линии Пекина в территориальных вопросах выделяются укрепление комплексной национальной мощи Китая, рост китайского национализма и политика США по «возвращению в Азию». Делается вывод о том, что вовлечение стран Юго-Восточной Азии в сотрудничество направлено на создание всепроникающей зависимости этих стран от Китая, которая в перспективе позволит Пекину оказывать давление на них в территориальных вопросах.

Ключевые слова: внешняя политика Китая, Юго-Восточная Азия, имидж Китая, АСЕАН, «мягкая сила» Китая, ближнее окружение.

С момента инициирования в Китае в конце 1970-х гг. курса на проведение политики «реформ и открытости» в китайской внешнеполитической доктрине одно из приоритетных мест стало отводиться реализации задачи налаживания добрососедских отношений с сопредельными странами. Установка на обеспечение благоприятного ближнего окружения как неперемennого усло-

вия для модернизации Китая не утратила своего места в китайской внешнеполитической доктрине и сейчас: она регулярно озвучивается китайским руководством и присутствует во всех внешнеполитических документах Китая.

Будучи закреплённой в официальном политическом дискурсе в 1980-х гг., на практике эта установка нашла свое отражение не сразу, а только со второй половины 1990-х гг., когда Пекин встал на путь всесторонней гармонизации отношений со странами Юго-Восточной Азии и отказа от применения силовых форм воздействия. Во главу угла во внешнеполитической стратегии были поставлены традиционные дипломатические методы, экономическая дипломатия, а с начала XXI в. – и публичная дипломатия. Комплекс мер, направленных на построение добрососедских отношений со странами Восточной Азии, в англоязычной экспертной литературе даже получил специальное наименование «charm offensive».

Отправной точкой новой стратегии Китая в регионе стал финансово-экономический кризис 1997–1998 гг., нанесший сильный ущерб экономикам Юго-Восточной Азии и предоставивший китайскому руководству исторический шанс продемонстрировать странам региона свою поддержку. Приняв принципиально важное решение не допустить девальвации юаня и оказав существенную помощь азиатским странам в преодолении этого кризиса, Пекин встал на путь укрепления своего авторитета и обретения доверия среди стран Юго-Восточной Азии.

На протяжении последовавшего за финансовым кризисом десятилетия Китай планомерно расширял свои дипломатические, экономические и гуманитарные связи со странами региона, наращивая свою «мягкую силу». Это десятилетие нередко оценивается экспертами в качестве «золотого века партнерства» между Китаем и странами Юго-Восточной Азии. [2. С. 32] Развитие двусторонних связей подкреплялось многосторонними формами взаимодействия и в особенности с АСЕАН.

Первые шаги Китая по налаживанию взаимодействия с АСЕАН, предпринятые в начале 1990-х гг. и нацеленные преимущественно на развитие торгово-экономических связей, были дополнены курсом на создание атмосферы партнерства, добрососедства и взаимного доверия. В этой связи ключевое значение имело развитие ситуации, складывавшейся вокруг территориальных споров относительно принадлежности архипелага Спратли и Парасельских островов, границ континентального шельфа и исключительной экономической зоны в Южно-Китайском море. Наряду с Китаем принадлежность островов оспаривали Вьетнам, Тайвань, Филиппины, Малайзия и Бруней.

В развитие взятого во второй половине 1990-х гг. курса на нормализацию отношений со своими соседями Китай изменил линию поведения в территориальных спорах в Южно-Китайском море: активная фаза территориальной экспансии Китая приостановилась, агрессивная политика стала трансформироваться, приобретая мирные черты. Пекин стал декларировать готовность к ведению переговоров по урегулированию разногласий в Южно-Китайском

море на основе международного права и положений Конвенции ООН по морскому праву. В 2002 г. Китай, поддержав инициативу АСЕАН, присоединился к Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море, в которой стороны обязались решать свои споры исключительно мирными средствами путем дружественных консультаций и переговоров между непосредственно вовлеченными в эти споры суверенными государствами [12]. После подписания декларации последовало пять лет относительно стабильной ситуации в Южно-Китайском море.

Со второй половины 1990-х гг. китайское руководство также стало расширять степень своего участия в различных многосторонних механизмах в рамках АСЕАН. В 1994 г. Китай вступил в организацию многостороннего диалога по вопросам безопасности АРФ, а в 1997 г. стал участником объединения АСЕАН+1 и АСЕАН+3.

Подтверждением того высокого уровня, которого достигло взаимодействие между Китаем и АСЕАН, стало установление между ними в 2003 г. «стратегических партнерских отношений». В том же году Китай первым из диалоговых партнеров АСЕАН присоединился к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии.

Стремительно возросла частота взаимных визитов высокопоставленных официальных лиц Китая и стран Юго-Восточной Азии. Стали функционировать различные диалоговые механизмы в разных сферах и на разных уровнях.

В ноябре 2002 г., развивая выдвинутую Пекином годом ранее инициативу, Китай и АСЕАН подписали Рамочное соглашение по всеобъемлющему экономическому сотрудничеству, предусматривавшее создание зоны свободной торговли. В 2004 г. они заключили Соглашение по торговле товарами, а в 2007 г. – Соглашение по торговле услугами. Соглашение о зоне свободной торговли КНР – АСЕАН вступило в силу 1 января 2010 г. и способствовало укреплению торгово-экономических отношений между Китаем и АСЕАН, усилению между этими экономиками взаимозависимости.

Благодаря целенаправленной политике китайского руководства масштаб торговли Китая со странами АСЕАН существенно увеличился, как по показателям валового объема товарооборота, так и доли Китая во внешней торговле АСЕАН со странами мира. Так, с 2000 по 2013 г. товарооборот Китая и АСЕАН увеличился в 11 раз с 32,3 до 350,5 млрд долларов США, а удельный вес Китая в торговле стран АСЕАН со странами мира возрос с 4,3 до 14% [8; 9]. С 2009 г. Китай неизменно остается крупнейшим торговым партнером АСЕАН. Китай также является крупнейшим экспортным рынком АСЕАН и крупнейшим источником импорта. В 2013 г. Китай занимал место крупнейшего торгового партнера не только АСЕАН в целом, но и большинства стран Юго-Восточной Азии: Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Мьянмы, Сингапура, Таиланда (Китай занял второе место среди торговых партнеров Камбоджи и Лаоса, третье – Филиппин и Брунея) [13].

Реализация широкомасштабной государственной стратегии «выход вовне», сформулированной китайским руководством во второй половине 1990-х гг. и официально запущенной в 2001 г., привела к существенному увеличению китайских инвестиций в Юго-Восточной Азии. Хотя по объему инвестиций в страны АСЕАН Китай занимает пока третью позицию после ЕС и Японии [14], темпы прироста китайских инвестиций в национальные экономики Юго-Восточной Азии велики. Если в 2003 г. прямые накопленные инвестиции Китая в странах АСЕАН насчитывали лишь 0,6 млрд долларов США, что составляло 1,8% всех накопленных китайских инвестиций в мире, то на конец 2010 г. они насчитывали 14,4 млрд долларов США, или 4,5% всех накопленных инвестиций Китая [19. С. 36–37, 42–43].

Неотъемлемой частью стратегии Китая по налаживанию связей со странами Юго-Восточной Азии также является предоставление им широкомасштабной помощи. По некоторым оценкам, Китай служит одним из крупнейших источников экономической помощи странам Юго-Восточной Азии [16. Р. 14]. В первую очередь, Китай оказывает содействие в реализации инфраструктурных и энергетических проектов, что, помимо создания благоприятного имиджа среди стран АСЕАН, приносит Китаю и вполне ощутимые выгоды – открывает доступ к энергетическим ресурсам и минеральному сырью. В апреле 2009 г. Пекин выступил с инициативой, направленной на поддержку инфраструктурных проектов в странах Юго-Восточной Азии и предусматривавшей создание Фонда инвестиционного сотрудничества Китай – АСЕАН в размере 10 млрд долларов США, а также предоставление АСЕАН кредитов общей суммой 15 млрд долларов США, из которых \$6,7 млрд долларов США планировалось выделить в форме льготных кредитов [6].

Упор на финансировании крупных инфраструктурных проектов в регионе, предоставлении щедрой помощи и в целом демонстрация высоких экономических выгод, которые сулит развитие отношений с Китаем, стали характерными чертами политики Пекина по проникновению в Юго-Восточную Азию. Весь этот комплекс мер следует рассматривать сквозь призму проведения Пекином экономической дипломатии, суть которой заключается в использовании экономических инструментов для достижения внешнеполитических целей. Важнейшей стратегической целью, которую преследует Пекин, налаживая торгово-экономические связи со странами АСЕАН, выступает создание всепроникающей экономической зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая, что в перспективе способно дать китайскому руководству рычаг давления на соответствующие государства.

С началом XXI в. во внешнеполитическом инструментарии Пекина важную роль начинает играть публичная дипломатия. Возрастает присутствие китайских СМИ в информационном пространстве стран Юго-Восточной Азии, призванное воздействовать на аудиторию стран региона и способствовать формированию положительного имиджа Китая. В общей сложности на десять стран АСЕАН приходится порядка половины от всего экспорта китайских телеви-

зионных программ в страны мира (по количеству часов трансляции), что позволяет говорить о Юго-Восточной Азии как о крупнейшем рынке для китайской информационно-развлекательной продукции [10].

Китайскими властями также предпринимаются меры по увеличению числа иностранных студентов из Юго-Восточной Азии в Китае, а также расширению в регионе географии и численности Институтов Конфуция.

Официально позиционируясь как специализированные центры изучения китайского языка и культуры, Институты Конфуция призваны способствовать расширению круга «друзей Китая» за рубежом и формированию благоприятной для Пекина информационно-культурной среды [3. С. 18]. Создание китайскими властями комфортных условий для обучения студентов из Юго-Восточной Азии, в том числе упрощение процедуры получения китайских въездных виз и выделение китайским правительством государственных стипендий, способствовали значительному росту числа студентов из Юго-Восточной Азии в Китае. В период 2005–2010 гг. число государственных стипендий, предоставленных Китаем представителям стран АСЕАН, увеличилось на 329% с 778 до 3337 стипендий [11].

Вместе с тем по мере усиления комплексной национальной мощи Китая в подходе Китая к развитию отношений со странами Юго-Восточной Азии наметились серьезные изменения. Продолжавшаяся на протяжении десятилетия китайская политика добрососедства и опоры на «мягкие» методы наращивания влияния в Юго-Восточной Азии в 2007–2008 гг. сменилась внешнеполитическим курсом, характеризующимся ростом напористости Китая в территориальных спорах с сопредельными восточноазиатскими странами.

Символической точкой отсчета в данной связи можно считать июль 2007 г., когда китайские ВМС прибегли к грубой военной силе, обстреляв вьетнамское судно, осуществлявшее геологоразведку в районе островов Спратли. С тех пор Китай стал предпринимать комплексные меры по укреплению своего суверенитета над спорными островами и фактически 80% всей акватории Южно-Китайского моря.

Не ограничиваясь демонстративными демаршами и принятием особых административных мер, Пекин расширяет масштаб своего военного присутствия в Южно-Китайском море. На острове Хайнань создана военно-морская база Юйлинь, на контролируемых Китаем островах Спратли и Парасельских расширяются полевые аэродромы и военные укрепления, увеличивается численность патрульных судов, курсирующих в Южно-Китайском море близ побережий Вьетнама и Филиппин. Возросла напористость китайских ВМС в препятствовании рыболовству и освоению нефтегазовых ресурсов спорных территорий Южно-Китайского моря со стороны других государств [1. С. 33].

В результате обстановка в акватории Южно-Китайского моря снова драматически осложнилась. Она трансформировалась из состояния «тлеющего» с конца 1990-х гг. конфликта в очаг вспыхнувших с новой силой противоречий, потенциально чреватый возникновением вооруженных столкновений. В свя-

зи с обострением территориальных противоречий буквально за считанные месяцы разрушился так тщательно выстраиваемый Пекином положительный имидж Китая [4. С. 17].

Рост напористости Китая в утверждении своих прав на спорные территории можно объяснить несколькими обстоятельствами.

В-первую очередь это связано с возвышением Китая, характеризующимся ростом комплексной национальной мощи, и в т.ч. военной мощи, а также превращением Китая в великую державу и региональный центр силы. По мере усиления Китая в Пекине крепнет готовность более решительно отстаивать свои национальные интересы.

Во-вторых, рост внешнеполитической агрессивности Китая связан с «новым китайским национализмом». Усиление зависимости китайского руководства от национализма в деле обеспечения внутривнутриполитической стабильности приводит к ужесточению китайской внешней политики [18. Р. 45–46]. Уступки по территориальным вопросам, воспринимающиеся в китайском обществе как попрание национальных интересов Китая, потенциально могут вызвать сильную волну общественной критики китайского руководства и подорвать легитимность правящей Коммунистической партии Китая.

В-третьих, ужесточение линии Китая в территориальных спорах связано с политикой США по «возвращению в Азию» и изменением линии поведения Вашингтона в отношении проблемы Южно-Китайского моря. В середине 2010 г. позиция Вашингтона в этих территориальных спорах резко изменилась от дистанционирования к активному посредничеству, к завуалированной поддержке Филиппин и Вьетнама в противовес Китаю. Китай, еще с 2007 г. демонстрировавший напористость в Южно-Китайском море, на фоне вмешательства Вашингтона, действия которого рассматриваются как направленные на сдерживание Китая, еще более интенсифицировал усилия по реализации своих территориальных притязаний.

Усиление внешнеполитической напористости Китая вкупе с рядом других факторов привели к ухудшению отношений Китая с соседними странами и всплеску напряженности в АТР. Ввиду обострения ситуации в своем ближнем окружении Пекин был вынужден предпринять попытки по снижению градуса напряженности в отношениях со своими соседями. Ведь важнейшей внешнеполитической задачей Китая на период осуществления модернизации по-прежнему остается обеспечение благоприятного ближнего окружения.

На фоне углублявшихся противоречий в территориальных спорах новое китайское руководство Си Цзиньпина с 2013 г. предприняло серию мер, направленных на возобновление добрососедских отношений, расширение своего влияния и восстановление своего имиджа в регионе, дав старт второй волне «charm offensive». В течение 2013 г. Пекин интенсифицировал свою дипломатическую активность, усилил экономическую дипломатию и предложил странам региона ряд привлекательных крупных проектов. В октябре в ходе встреч с лидерами АТЭС и Восточноазиатского саммита китайская сторона выдвинула

важные инициативы в области торговли и инфраструктурного развития региона: создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и увеличение товарооборота с АСЕАН с текущего уровня в 400 млрд долларов США до 1 трлн долларов США к 2020 г. [17].

Беспрецедентными стали выступления Си Цзиньпина перед парламентами Таиланда и Индонезии, в ходе которых Пекин презентовал стратегическую концепцию Сообщества общей судьбы Китай–АСЕАН и проект создания «Морского шелкового пути XXI в.», предусматривающий строительство портов и развитие морского сообщения Китая со странами Юго-Восточной Азии и Индийского океана. В мае 2014 г. Пекином было предложено создать экономический коридор Бангладеш–Китай–Индия–Мьянма.

Китай также интенсифицировал свои усилия по созданию обширной зоны свободной торговли, которая бы связывала не только экономики Китая и Юго-Восточной Азии, но и всей Восточной Азии или даже АТР. Эта идея получила развитие в виде двух вариантов, которые активно продвигает Пекин: создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и Зоны свободной торговли в АТР.

Таким образом, с 2013 г. Пекин с новым напором подошел к расширению своего дипломатического и экономического присутствия в Юго-Восточной Азии: увеличилась частота визитов китайских высокопоставленных представителей в страны региона, в ходе которых Пекин обещал увеличение масштабов торговли и инвестиций, предлагал заключение новых контрактов и реализацию крупномасштабных проектов при определяющей роли китайского финансирования. В Пекине разрабатывались схемы усиления связей между Китаем и АСЕАН и углубления зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая.

Примечательно, что в налаживании отношений с ближним окружением Пекин активно прибегает к внушению своим соседям идей об обусловленности и взаимосвязи «Китайской мечты» с интересами развития и мечтами других народов, в том числе о национальном возрождении. На саммите АТЭС в ноябре 2014 г. Пекин обнародовал идею об общей для всех стран региона «Азиатско-Тихоокеанской мечте» [5]. Развитие получила концепция строительства «Одного пояса и одного пути», включающая в себя «соединение политических курсов, транспортное сообщение, торговые отношения, денежное обращение и народную связь» [7]. В основе этих концепций лежит идея о взаимной связи стран региона, о необходимости их солидаризации в целях достижения процветания и безопасности. Задача, которой Пекин руководствуется, выдвигая подобные концепции, – развеять усиливающиеся с 2007–2008 гг. в Юго-Восточной Азии страхи относительно «китайской угрозы», убедить соседей в том, что желания и мечты стран региона о национальном экономическом развитии могут быть в полной мере реализованы через тесное сотрудничество с Китаем.

Таким образом, в выстраивании политики с соседними государствами Пекин все сильнее обнаруживает дуализм. С одной стороны, все чаще звучат громкие дружественные заявления, идет активизация китайской дипломатии, происходит расширение спектра предлагаемых крупномасштабных экономических проектов. Но, с другой стороны, после непродолжительной паузы 2013 г. Пекин с еще большей энергией стал проявлять напористость в территориальных вопросах в Южно-Китайском море. Неполный перечень серьезных провокаций и инцидентов в 2014 г., связанных с территориальными спорами, включает: китайско-вьетнамское противостояние с мая по середину июля, вызванное размещением Китаем нефтяной платформы в спорных территориях Южно-Китайского моря; китайско-филиппинское противостояние относительно вопроса обращения Манилы к международному арбитражу, а также новых обвинений Манилы в адрес Пекина относительно строительства искусственного острова на Южном рифе Джонсона в мае.

Очередной виток обострения ситуации в Южно-Китайском море с начала мая 2014 г. стал свидетельством провала второй волны «charm offensive»: имидж Китая в регионе продолжает падать, а страх перед усиливающимся восточноазиатским соседом – увеличиваться. Целый ряд стран Юго-Восточной Азии демонстрирует возросшую обеспокоенность в связи с их укрепляющейся экономической зависимостью от Китая. В экспертных сообществах Юго-Восточной Азии все чаще стали раздаваться мнения о настоятельной необходимости диверсификации торговых партнеров и искусственного снижения экономической зависимости от Китая.

Относительно вопроса дуализма политики Пекина в отношении своих соседей любопытна точка зрения известного специалиста по Китаю Б. Глазер. Как она замечает, в то время как для сторонних наблюдателей задачи обеспечения благоприятного ближнего окружения и реализации территориальных притязаний являются противоречащими или взаимоисключающими, для китайского руководства они таковыми не являются [15. Р. 9].

Такое видение ситуации китайским руководством привело к тому, что современная политика Китая в отношении соседних стран стала носить противоречивый характер. Определяющей чертой внешней политики Китая в отношении Юго-Восточной Азии стал ее дуализм, заключающийся в совмещении двух подходов к развитию отношений с соседними странами: вовлечение их в широкомасштабное экономическое и гуманитарное сотрудничество при одновременном усилении давления, и в т.ч., силового, в территориальных вопросах. Представляется, что конечной целью такого двойственного подхода Пекина является создание настолько сильной, устойчивой и всепроникающей зависимости стран Юго-Восточной Азии от Китая, при которой странам региона будет крайне невыгодно занимать конфронтационную линию поведения в территориальных спорах с Пекином.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Лексютина Я.В. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 30–41.
- [2] Локин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013.
- [3] Мосяков Д.В. «Мягкая сила» в политике Китая в Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2010. Т. 14. С. 5–22.
- [4] Портяков В.Я. Контуры внешней политики лидеров Китайской Народной Республики пятого поколения // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 16–20.
- [5] Си Цзиньпин предложил осуществить «азиатско-тихоокеанскую мечту». URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1109/c31521-8806820.html>.
- [6] Углубляется финансовое сотрудничество между Китаем и АСЕАН. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6858184.html>.
- [7] Чем отличается проект Китая по совместному созданию и осуществлению «Азиатско-тихоокеанской мечты»? URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1110/c315218807151.html>.
- [8] ASEAN trade by selected partner country/region, 2013. URL: http://www.asean.org/images/resources/Statistics/2014/ExternalTradeStatistics/Aug/table19_asof24Jul14.pdf.
- [9] ASEAN Stats. URL: <http://aseanstats.asean.org>.
- [10] China-ASEAN cooperation: 1991–2011. URL: http://www.gov.cn/english/2011-11/15/content_1994087_9.htm.
- [11] China-ASEAN education exchange attracted more than 60,000 foreign students in ten years. URL: <http://english.jsjyt.gov.cn/news/keynews/folder613/2013/10/2013-10-122829.html>.
- [12] Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. 2002. URL: <http://www.aseansec.org/13163.htm>.
- [13] European Commission Trade. URL: <http://ec.europa.eu/trade>.
- [14] Foreign direct investment net inflows to ASEAN from selected partner countries/regions. URL: <http://www.asean.org/images/resources/Statistics/2014/ForeignDirectInvestment/Aug/Table%2026.pdf>.
- [15] Glaser B., Pal D. Is China's Charm Offensive Dead? // China Brief. 2014. Vol. 14. Is.15. P. 8–12.
- [16] Lum Th. China's assistance and government-sponsored investment activities in Africa, Latin America, and Southeast Asia. Washington, DC, 2009.
- [17] Phuong Nguyen. China's Charm Offensive Signals a New Strategic Era in Southeast Asia. URL: <http://csis.org/publication/chinas-charm-offensive-signals-new-strategic-era-southeast-asia>.
- [18] Ross R. Chinese nationalism and its discontents. Chinese nationalism and its discontents // The National Interest. Nov./Dec. 2011. Vol. 116. P. 45–51.
- [19] Статистический бюллетень иностранных прямых инвестиций Китая, 2010 (2010 няньду чжунго дуйвайчжицзе тоуцзы тунцзыгунбао). URL: <http://images.mofcom.gov.cn/hzs/accessory/201109/1316069604368.pdf>.

REFERENCES

- [1] *Leksyutina Ya.V.* Exacerbation of tensions in the South China Sea: a view from Southeast Asia, China and the United States // *Problemi Dal'nego Vostoka*. 2011. No. 5. P. 30–41.
- [2] *Lokshin G.M.* South China Sea: a difficult search for agreement. Moscow: IDV RAN, 2013.
- [3] *Mosyakov D.V.* "Soft power" in China's policy in Southeast Asia // *Jugo-Vostochnaja Azija: actual'nije problem razvitija*. 2010. V. 14. P. 5–22.
- [4] *Portyakov V.Ya.* The contours of the foreign policy of the leaders of the People's Republic of fifth generation // *Problemi Dal'nego Vostoka*. 2014, No.1, P. 16–20.
- [5] Xi proposed the "Asia-Pacific dream." URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1109/c31521-8806820.html>.
- [6] Deepening financial cooperation between China and ASEAN. URL: <http://russian.people.com.cn/31518/6858184.html>.
- [7] What does distinguish the project of China ashamed creation and implementation of the "Asia-Pacific dream"? URL: <http://russian.people.com.cn/n/2014/1110/c31521-8807151.html>.
- [8] ASEAN trade by selected partner country/region, 2013. URL: http://www.asean.org/images/resources/Statistics/2014/ExternalTradeStatistics/Aug/table19_asof24Jul14.pdf.
- [9] ASEAN Stats. URL: <http://aseanstats.asean.org>.
- [10] China-ASEAN cooperation: 1991–2011. URL: http://www.gov.cn/english/2011-11/15/content_1994087_9.htm.
- [11] China-ASEAN education exchange attracted more that 60,000 foreign students in ten years. URL: <http://english.jsjyt.gov.cn/news/keynews/folder613/2013/10/2013-10-1228-29.html>.
- [12] Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. 2002. URL: <http://www.aseansec.Org/13163.htm>.
- [13] European Commission Trade. URL: <http://ec.europa.eu/trade>.
- [14] Foreign direct investment net inflows to ASEAN from selected partner countries/regions 01.08.2014. URL: <http://www.asean.org/images/resources/Statistics/2014/ForeignDirectInvestment/Aug/Table%2026.pdf>.
- [15] *Glaser B., Pal D.* Is China's Charm Offensive Dead? // *China Brief*, 2014. Vol. 14. Is.15. P. 8–12.
- [16] *Lum Th.* China's assistance and government-sponsored investment activities in Africa, Latin America, and Southeast Asia. Washington, DC, 2009.
- [17] *Phuong Nguyen.* China's Charm Offensive Signals a New Strategic Era in Southeast Asia. URL: <http://csis.org/publication/chinas-charm-offensive-signals-new-strategic-era-southeast-asia>.
- [18] *Ross R.* Chinese nationalism and its discontents. *Chinese nationalism and its discontents* // *The National Interest*. Nov./Dec, 2011. Vol. 116. P. 45–51.
- [19] Statistical Bulletin of China's foreign direct investment, 2010 (2010 niandu zhongguo duiwai zhijie touzi tongzibao). URL: <http://images.mofcom.gov.cn/hzs/accessory/201109/1316069604368.pdf>.

DUALISM OF CHINA'S CONTEMPORARY FOREIGN POLICY TOWARDS SOUTHEAST ASIA

Ya. Leksyutina

School of International Relations
Saint-Petersburg State University
University Emb., 7–9, St. Petersburg, Russia, 199034

The article examines the ambiguity of China's contemporary foreign policy towards Southeast Asia that is manifested in the incorporation of two contradicting approaches simultaneously: economic and diplomatic engagement with Southeast Asian countries, but growing pressure on them in territorial disputes. It analyzes efforts that Beijing has been undertaking to enhance its political engagement, trade and investments in Southeast Asia and to boost China's positive image in the region. It also traces China's growing assertiveness in the territorial disputes in the South China Sea since 2007-2008. The article identifies major reasons for changes in China's foreign policy on territorial issues – the strengthening of China's national comprehensive power, the rise of Chinese nationalism and the US "return to Asia" policy. It concludes that Chinese growing engagement with Southeast Asian countries is aimed at deepening of these countries' dependence on China in order to exert pressure on them on territorial issues in future.

Key words: China's foreign policy, Southeast Asia, China's image, ASEAN, charm offensive, near abroad.